

СТАРИННЫЕ ДАЧИ дома и люди ПЕТЕРБУРГА

Елена
Травина

Елена Михайловна Травина
Старинные дачи
Петербурга. Дома и люди
Серия «Петербург.
Архитектура и история»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74164271

*Елена Михайловна Травина «Старинные дачи Петербурга. Люди и дома»: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-250311-5*

Аннотация

Что такое классическая русская дача рубежа XIX–XX веков?

Интуитивно мы это представляем: по воспоминаниям современников, литературным произведениям, старым фотографиям и картинам. Но хочется же испытать «эффект присутствия», погрузившись в атмосферу загородной жизни самим, представив себя тем самым дачником или дачницей с зонтиком от солнца, в светлом костюме или лёгком белом платье. Снять участок на Карельском перешейке под Петербургом, познакомиться с соседом (а им может быть художник И. Е. Репин или архитектор Г. В. Барановский), изучить местный быт и традиции, участвовать в развлечениях, ходить по магазинам, обедать в гостинице и разглядывать картинки в журнале «Нива».

Или гулять по аллеям Сестрорецкого курорта после массажа и бассейна, в ожидании концерта в курзале.

В компании с автором и ее друзьями, вооружившись знаниями о старой дачной жизни, мы совершим путешествие во времени. Походим по улицам поселений на Карельском перешейке, посмотрим, что осталось от тех времен и будем знать, что мы потеряли за 100 лет. Елена Травина, кандидат философских наук, исследователь сайта terijoki.spb.ru и группы «Старые дачи» будет проводником в этом многогранном путешествии по дачам северного побережья Финского залива.

Содержание

Введение	9
Дачи. Начало	11
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Елена Михайловна Травина

Старинные дачи

Петербурга. Люди и дома

© Елена Травина, текст, фото, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Завидую будущему читателю этой книги, поскольку он ознакомится с плодом многолетнего кропотливого труда и насладится квинтэссенцией накопленной информации о дачном Петербурге.

Такую книгу мог написать только тот, кто годами, десятилетиями занимался изучением любимого вопроса и, накопив внутреннюю синергию, выплеснул на страницы этого произведения.

Сейчас мы с вами много знаем о дачах благодаря интернету и экскурсоводам, и кажется, что так было всегда и все в интернете появилось само собой, но если я вам скажу, что первые книги и сведения стали появляться в 2000-х годах? Серия книг «Сто лет дачной жизни», являющихся настольными книгами всех экскурсоводов по Карельскому перешейку, была явлена миру с 2014 по 2021 годы. И все это благода-

ря неравнодушию Елены Травиной и членов исследовательской группы «Старые дачи».

Историко-культурный музейный комплекс в Разливе создан в 2005 году. В основу легли два музея с более чем 100-летней историей – Музей «Шалаш В. И. Ленина» и Музей «Сарай Н. А. Емельянова», связанных с революционными событиями 1917 года. С развитием своей деятельности в соответствии с Уставом, гласившим, что музей занимается комплектованием, изучением и сохранением предметов по истории Курортного района Санкт-Петербурга, расширил свои границы и получил в ведение два объекта культурного наследия регионального значения – «Беседка» в Курорте и «Дача Е. Ф. Важеевской» для их реставрации и создания Музея Курортного района Санкт-Петербурга. Поэтому особенно приятно было читать раздел о даче Важеевских. Представился неспешный дачный быт, предзакатные разговоры на верандах, аромат цветов и травяного чая, свежей выпечки.

На ниве заботы об объектах мы более тесно стали работать с деревянным наследием района, проводить выставки, конференции, активно привлекая специалистов.

При подготовке к конференции 2022 года «Разливские чтения» обратилась к Елене Михайловне с предложением выступить и рассказать о деревянном наследии Карельского перешейка, на что Елена Михайловна скромно ответила, что особо нового материала сейчас нет, да и все уже опубликовано. На что я весьма обоснованно сказала, что не представляю

без ее участия проведение конференции, предложив рассказать о проекте «Старые дачи» – ведь именно это объединение неравнодушных людей сделало возможным возвращение многих имен и наполнило смыслами территорию Курортного района. И все, что мы сейчас знаем о Сестрорецке, Зеленогорске, Солнечном, Репино, Комарово и других населенных пунктах дореволюционного Петербурга – Петрограда и территории Великого княжества Финляндии – мы обязаны Елене Михайловне и другим бескорыстным сподвижникам, которые своим глубоким исследовательским трудом увековечили свои имена в каждом напечатанном слове, которые сейчас произносят уже другие экскурсоводы.

Через непродолжительное время дорогая Елена Михайловна мне позвонила и сказала, что примет предложение, действительно осознав необходимость зафиксировать память о людях, создавших историографию Карельского перешейка: «Мы уже стали историей. Я не сразу приняла этот факт», – сказала Елена Михайловна.

Надо отметить, что слово краеведа в меньшей степени можно применить для описания их вклада в историю Санкт-Петербурга – накопленные данные из архивов были обработаны с лучшим принципиальным научным подходом. Исследователи локальной истории опирались на массивный объем архивных данных российских архивов и архивов Финляндии.

Вы держите в руках труд настоящего пассионария, прочи-

тав который, непременно заразитесь желанием посетить все описываемые места со сформировавшейся образной и емкой картиной дачной жизни Петербурга. А также, такие книги дают мощный толчок к сохранению архитектурной идентичности территории, призывая владельцев обращаться к лучшим стилистическим традициям архитектуры.

Наталья Степановна Коваленко

*Директор Санкт-Петербургского государственного
бюджетного учреждения культуры «Историко-культурный
музейный комплекс в Разливе»*

Введение

Что такое дачная жизнь? Наверное, жизнь на даче. А что такое дача? Тут уже сложнее. Если копнуть поглубже, это ведь городской феномен. На дачу может выехать только горожанин. А если человек живет там круглый год? К примеру, летние друзья городских детей, которых вывезли на дачу в пригород? Они ведь живут на этой самой даче весь год и иногда не понимают своего счастья. Или понимают? Или 9 месяцев они не на даче, а три летних – на даче? Последние лет 25 картину дачной жизни затуманивают и мешают дать ее точное определение коттеджи в местностях с удобным съездом на КАД, где можно жить все сезоны в евростандарте и даже лучше. И, естественно, мы не рассматриваем выезд в Турцию «олл инклюзив» в качестве альтернативы дачной жизни.

Тут уже напрашивается ключевая связка: дача – это лето, а лето – это дача. Но, да простят меня счастливые обладатели бабушек в деревне или те, кого летом родители за «счастливым детством» отправляли в пионерские лагеря, которые сейчас стали скаутскими. Или счастливые обладатели «фазенд» на шести сотках: при всем уважении к их трудам по выращиванию корнеплодов, у них у всех не дача.

Попробуем решить этот вопрос, основываясь на философическом и почти «платоновском» диалоге между Мартыш-

кой и Слоенком в старом добром советском мультике: что есть куча орехов, и в какой момент некуча превращается в кучу? Для нас этот вопрос стоит так: сколько нужно всего, чтобы некое деревянное строение с верандой, стоящее на земле в окружении растительности той или иной степени чахлости, стало мечтой, о которой многие поколения горожан грезили и грезят, как о земном рае?

И как надо правильно жить в этом сооружении, потому что оно диктует собственные правила, отличные от тех, которые востребованы в городе? Как все начиналось и чем продолжилось, чем занимались взрослые и дети, какими были взаимоотношения между соседями. Радости и горести, дождливая погода и знойное лето, велосипеды и купание, любительский театр и походы в кино, варка варенья и сбор грибов, дачный роман и грусть расставания, и прощальный костер в конце августа, где входная плата – сосновая шишка.

Ведь это все – дача, но пока в черно-белом варианте. Давайте начнем раскрашивать картинку.

Дачи. Начало

Первые дачи появились, как многое в российской жизни, во времена Петра I. Понятно, что «давали» земельные участки и ранее для «кормления». Но Петр Алексеевич давал их с другой целью и именно в том смысле, к которому мы клоним. Первые дачи в значении земельного пожалования, на котором надо было построить дом, появились на Петергофской дороге, связывавшей Санкт-Петербург с Ораниенбаумом. Значение их было чисто из разряда эстетического: приплывает иностранный купец в Кронштадт с предложениями о взаимовыгодной торговле. Его сажают на яхточку и переправляют на материк, в Ораниенбаум. А оттуда надо на лошадях трястись часов пять до столицы, где можно познакомиться с царем, выпить с ним бокал ренского, выкурить трубку и подписать контракт. Чтобы не было скучно и однообразно ехать лесной дорогой, какой являлось тогда Петергофское шоссе, и было задумано вырубить строевой лес (вековые дубыгодились на верфях) и построить на расчищенных участках виллы или, как тогда говорили, «дóбмы». Таким образом, подъезд к столице приобретал вполне цивилизованный вид, и спустя некоторое время придворные подхалимы, купцы или путешественники уже сравнивали эту дорогу с дорогой к Версалию.

Понятно, что первоначально эти участки в количестве

около 250 отдавались добровольно-принудительно, и строиться на них сильно никто не хотел. Но трость императора, или что еще похуже, была весомым аргументом, и русская «версальская» дорога к 1718 году стала приобретать вполне приличный вид. Более того, она стала модной. И если кто-то, как, например, посол Матвеев, при раздаче участков был в отъезде по государевым посольским делам и возвращался к шапочному/шапошному разбору, то уже просил смилостивиться и этот участок выдать. К его счастью, такие свободные участки чаще всего в наличии имелись в связи с эффективной работой ведомства князь-кесаря Федора Юрьевича Ромодановского.

Что видел из окна кареты заграничный купчина, проезжая мимо? Симпатичные и довольно простенькие домики в голландском стиле (петровское же барокко), безо всяких изысков, построенные по так называемым «образцовым проектам» Леблона и Трезини, созданными для города; регулярные садики при этих домах с правильными дорожками, чахлой растительностью (которая просто еще не успела вырасти); клумбы с цветными камушками вместо цветов. Все геометрически выверено и правильно, что вселяло уверенность в правильности и размеренности новой русской жизни. Чего купец не видел? Хозяйственных построек на заднем дворе с оранжереями, огородами и птичниками. При этом хозяева здесь обычно не жили, и дом поначалу использовался в качестве «путевого» для остановки на «пообедать» (для этого

и птичник) и далее продолжить путь в Петергоф или Ораниенбаум на государеву службу. Изредка здесь устраивались праздники по случаю подписанного контракта, с обильными возлияниями в саду, освещенном огнями масляных плошек.

Были, конечно, и богатые дворцы, построенные совсем не по образцовым проектам, как у князя Меншикова. На Петергофской дороге у Александра Даниловича их было три: «Фаворит» на полпути из Стрельны в Петергоф; «Монкураж», оставшийся незаконченным, несмотря на отвагу владельца, камни недостроя использовал архитектор Менелас при строительстве Руинного моста в парке «Александрия» в Петергофе; и дворец в Ораниенбауме. Назначение этих дворцов было то же, что и у скромных «образцовых»: по сути, путевой «Фаворит» и представительские – «Монкураж» и Ораниенбаумский.

То есть зафиксируем: эти первые дачи уже в пригороде, но не для постоянного летнего проживания, а для дела. Делом могло быть вышеупомянутое «пообедать» или принять гостя/гостей с той или иной степенью пышности, в зависимости от статуса и ранга гостя.

Теперь перескакиваем через несколько десятилетий и обращаем свой взор к роскошным дачам екатерининских вельмож. Все та же Петергофская дорога, но в другую эпоху. На смену барокко пришел классицизм в его раннем палладианском варианте, а на смену регулярных садов – пейзажные

парки. Все это располагалось на огромных участках в 100 саженей по дороге и 1000 саженей вглубь (примерно 200 м на 2 км). И если при «птенцах гнезда петрова» из этих двух километров использовалось всего ничего для дома и регулярного сада, то новым владельцам было где развернуться и использовать каждый метр. Сам рельеф местности диктовал, как надо распланировать усадьбу.

Южный берег Финского залива (впрочем, как северный) имеет одну особенность в рельефе. На расстоянии в 200–500 метров от современного берега начинается высокий уступ, который был когда-то берегом древнего Литоринового моря, отступившего со временем к современной береговой линии. Петергофское шоссе, а затем старая Нижняя дорога, по которой ездили в каретах и верхом в XVIII веке, как раз проходит у подножия этого уступа. То есть палладианские дачи раннего русского классицизма с колоннами и бельведером стояли «наверху» для проезжавшего по дороге и выглядели очень живописно, как бы паря на фоне облаков. Кстати говоря, именно благодаря этому уступу мы имеем удовольствие любоваться фонтанами Петергофа (напор воды получился знатный).

Наверху за домом регулярный сад понемногу зарастал, превращался в пейзажный, а затем переходил в лес. В уступ же прекрасно встраивались гроты, террасы, каскадные пруды, и от них шли аллеи из деревьев, которые перестали подстригать. А по другую сторону дороги до залива простира-

лись рощи, в которых можно было гулять, переходя искусственные протоки по мостикам, отдыхая в беседках и думая о вечном. Табличка на воротах усадьбы «Левендаль» или «Га-га» Льва Александровича Нарышкина на Петергофской дороге приглашала «всех городских жителей воспользоваться свежим воздухом и прогулкою в саду для рассыпания мыслей и укрепления здоровья». При этом парк становился продолжением дома, и многолюдные празднества, к примеру, в честь приема императрицы, проходили здесь. В доме накрывались столы для ближних придворных, в шатрах в саду – для остальных, а далее по времени шли всевозможные увеселения в парке. Пейзаны и пейзажки мирно пасли коровок на лугах, дородные и улыбчивые молочницы приглашали отведать кофию со сливками, в беседках стояли камеры-обскуры, совсем рядом разверзались горы и из них появлялись фигуры богов, а фейерверки на берегу залива складывались в императорский вензель и приветствия.

С усадьбой Льва Нарышкина спорила по роскоши усадьба «Красная мыза» или «Ба-ба» его брата Александра. Здесь были деревня «в Голландском вкусе» и «Аглинские» сад и луг. Везде в парке – протоки с мостиками, островки с храмами, по каналам плавали гондолы и плоты. На прудах – лебеди, пеликаны и «чужестранные» утки. В саду содержался цыганский табор, а в лесу – зверинец. В китайской деревне все крестьяне были одеты китайцами, в голландской – голландцами, ну а рядом снова паслись коровки.

Таким образом, дачи к концу XVIII века перестали использоваться в узко утилитарном смысле (приехал – перекусил – отдохнул – двинулся дальше; приехал – потусил с друзьями – уехал). Это были настоящие усадьбы с большим числом крестьян, которые обслуживали хозяйство, и садовниками, которые поддерживали сады и парки в должном виде. Хозяева здесь подолгу жили, ездили в гости и сами принимали гостей из Петербурга.

Еще один прыжок на несколько десятилетий – и мы на дачах времен Николая I. По словам Фаддея Булгарина, относящимся к 1837 году, «сказать о ком-нибудь: он живет на даче, значило то же, что он богат, силен и знатен». Это продлилось недолго, потому что приоритеты быстро менялись. На смену пышным праздникам екатерининских вельмож пришло медленное угасание старой эпохи в александровское время и три десятилетия николаевского уюта в стиле «бидермейер». Воцарился романтизм. Инфлюенсерами стали Вальтер Скотт с его обращениями к Средним векам и готике; Байрон с «байроническими» страстями, любовью к Италии, Греции (и гречанкам), чета Шелли с первым «готическим» романом о Франкенштейне, путешественники, описывающие горные вершины, утесы и водопады. Начались раскопки Помпей и увлечение «помпейским стилем», а за ним – готическим, швейцарским и русским. Но была тонкость: путешествовали и предавались страстям герои романов и поэм, а книжки о них читал, удобно устроившись в мягком кресле и завернув-

шись в теплый халат или плед, простой обыватель, простодушный «г-н Мейер/Майер».

Одним из первых «Майеров» был император Николай I, построивший на Петергофской дороге дачу «Коттедж» в парке Александрия – семейную, уютную, защищенную от посторонних глаз, с прекрасным садом, цветы в котором ходила поливать императрица, грядками с растениями, за которыми ухаживали великие князья; и сами мальчики тут же неподалеку тренировались на спортивных снарядах. Романтика была и в шуме водопада в горном ущелье, и в частной жизни дома с картинками этого водопада.

Бидермейером это все назвали в ретроспективе, увидев в людях после наполеоновских войн одновременно тягу к простой жизни и интерес к прошлому (начиналась эпоха революций, национальных государств и попыток ответа на вопрос: в чем живет нация? В языке, в обычаях, в земле отцов?) Так что немецкий поэт Й. фон Шеффель, опубликовавший в 1848 году стихотворения «Вечернее уютное времяпровождение бидерманна» и «Сетования праздного Майера» дал имя не только стилю мебельного искусства, но и стилю жизни в целом. А выдуманный учитель Самюэль Заутер («их» Козьма Прутков и «маленький человек») с его морализаторскими и сентиментальными стихами о семейном счастье вдруг попал «в десятку».

А что же дачи? Старые дачи екатерининского времени медленно разрушались. Потомки или новые хозяева, кото-

рым эти потомки продали участки, строили рядом со старым домом новые дачки для сдачи внаем. Это еще не были чеховские «вишневы сады», но уже близко. Менялся социальный состав проживавших на дачах.

В екатерининское время это были высшие слои общества, и часто они даже не жили постоянно весь сезон, а бывали наездами, устраивая празднества в честь визитов друзей или императрицы (для многих она была подругой юности). Спустя 50–60 лет, в александровское и николаевское время, дача стала уютным уголком для «майеров» не только из аристократии. И их становилось все больше, потому что к «маленьким радостям» общения с природой подтягивались разные слои общества. А это означало, что в романтическом парке барышня из знатной, но обедневшей семьи, могла познакомиться с дочерью небогатого чиновника, который, тем не менее, тоже снимал жилье поблизости. И прогуливаясь по морской дороге, они могли встретить семью ремесленников или лавочников, которые тоже выезжали летом в простенький домик в близлежащей деревне. Завязывалось дачное знакомство, которое мгновенно прекращалось по причине классового неравенства по возвращении в город.

Вот как описывала когда-то богатый старый загородный дом писательница Мария Жукова:

«Дача, куда ехала Елена Павловна, находилась, не помню точно, на которой версте, только это была одна из лучших дач на Петергофской дороге. Когда-

то она, как и большая часть этих дач, принадлежала знатному господину и, подобно другим, перешла в руки владельца, которого имя, казалось, само с удивлением видело себя на дощечке, привешенной к воротам, некогда гостеприимно отворявшимся для графов и князей и их дорогих цугов. На этой даче был и пруд, извилистый, как речка, и мостики, и зеленые поляны посреди живописных рощ, и кривые дорожки, теперь глубоко вросшие в землю, и насыпные возвышения, увенчанные храмами, и несколько полуобвалившихся домиков, некогда служивших для помещения многочисленных гостей и проживающих прежних именитых хозяев, а теперь отдаваемых по мелочи внаймы. Но что всего было лучше на даче и, разумеется, менее всего посещаемо, это заречное, – так называлось обширное место, которое отделялось от возделанной части сада прудом и шло до самого взморья едва приметным скатом. От самого пруда к взморью шла широкая просека и выходила на открытую поляну, на которой росло несколько дубов, может быть современников тем, что некогда падали под ударами ревностной секиры на берегах еще дикой, не закованной в гранитных берегах Фонтанки. Отсюда открывалась часть взморья, плоский остров, покрытый мелким лесом; влево, вдали, весь берег с царственными Стрельною и Петергофом [...]

Дача на Петергофской дороге – это настоящий маленький городок, колония, куда съезжаются со всех концов Петербурга, знакомятся, хотя и не

скоро, стараются узнать одни о других: кто, откуда, кого принимают, как живут? И таким образом, за недостатком собственной жизни, живут жизнью соседей. Тут завязываются интриги, хотя большею частью в воображении наблюдателей; тут ум изощряется на догадки, тут разыгрывается притворная невнимательность, тут на несколько времени накидывается барская важность, и все это до тех пор, пока к концу лета все узнают друг друга. Любопытство, на минуту пополнившее своими тревогами пустоту, которою все мы и вечно страждем, удовлетворено, и все говорят: “пора в город”. Дачи пустеют¹

¹ Жукова М. Дача на Петергофской дороге (1845).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.